

С.Б. СОРОЧАН
ХАРЬКОВ

ОБ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ ФЕМНОГО ПРЕТОРИЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Активизация строительных работ военно-административного и церковного характера наиболее наглядно прослеживается во второй половине IX – начале X в. в юго-восточной оконечности города, так называемой «цитадели» Херсона. В ходе раскопок здесь накоплены убедительные данные о возведении оборонительного рубежа с восточной стороны во второй половине IX в.¹ 21 куртина была усилена за счет новой кладки на известковом растворе. Тогда же была надстроена 19 куртина, совершены мощные, высокие подсыпки земли и бутового камня с ее внутренней стороны. Это было сделано, чтобы обеспечить доступ к двум новым боевым калиткам. Кроме того, было разрушено погибшее, очевидно, при большом пожаре общественное здание VI-VII вв. вдоль куртины, от которого остался зафиксированный раскопками 1926 г. сплошной слой горения². На его месте, отчасти, был возведен обширный комплекс построек и помещений, в целом интерпретируемый как византийский преторий.

Упоминание о его существовании донесла строительная надпись, вырезанная на части большого мраморного карниза грубой отделки. В ней говорится о сооружении по повелению стратига Херсона и Сугдеи патрикия Льва Алиата в апреле 1059 г. «железной двери» для претория (ἐγγύοντα πόρτα τοῦ προαυτορίου σιδῆραι), т.е. двери, скорее всего, оббитой железом³. Раскопки последних десятилетий, ведшиеся

¹ Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели в 1994 г. // Архив НЗХТ. Д. 3356. Л. 13.

² Гриневич К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–1910 гг. // ХСб. 1927. Вып. II. С. 277.

³ Большой камень с надписью был обнаружен недалеко от берега Карантинной бухты, впереди башни XXI, сооруженной в XI в. вместо раннесредневековой

И.А. Антоновой и продолженные мной, позволяют составить сравнительно полное, целостное представление о том, как стала выглядеть большая часть «цитадели» в фемный период истории Херсона. Она действительно отразила зримые изменения, которые претерпел город после водворения в него стратига. Поэтому было бы целесообразно подвести предварительные итоги, обобщить полученные материалы и создать связную картину того, что было воздвигнуто здесь херсонитами под руководством фемных властей и архиепископа.

Монументальный общественный архитектурный комплекс, где размещался штаб стратига, его резиденция, а, возможно, сокровищница, помещения для воинов, суд и тюрьма⁴, занял почти целиком северную половину каре, образуемого 18-21 куртинами оборонительных стен (92 x 54 м). В него входило по меньшей мере два однотипных здания, каждое площадью около 200 м², с четырьмя внутренними помещениями общей длиной 23,5 м и шириной по 5 м, размещенных друг против друга, перед большим закрытым со всех сторон центральным двором (23,5 x 12 м), вход в который вел с запада через колоннадный портик. На каменных стенах здания сохранились следы штукатурки на глине, причем, судя по соответствующим обломкам, на штукатурке встречались фресковые орнаменты, а окна были застеклены⁵. С востока примыкала выстроенная немного позже, вероятно, в начале X в., роскошно украшенная мраморами и мозаикой трехнефная базилика почти квадратной формы (9 x 8,7 м)⁶. В целом эта часть архитектурного ансамбля

башни XX, с наружной стороны стены портового района. См.: Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 88-89. Рис. 225, 226; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб, 1896. С. 16-17; Щеглова Я.А., Васильева М.В. Научные чтения, посвященные памяти М.Я. Сюзюмова, по теме «Континуитет и дисконтинуитет в Византии» (Севастополь, 15–19 сентября 1989 г.) // ВВ. 1992. Т. 53. С. 208; Антонова И.А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 21; она же. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (По материалам раскопок 1989–1993 гг.) // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 14-18. Рис. 5; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 537-539, 716.

⁴ Ср.: OUSTERHOUT R. Secular Architecture // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. N.-Y., 1997. P. 196.

⁵ ГРИНЕВИЧ К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года... С. 279, 280.

⁶ ЛЕПЕР Р.Х. Дневник раскопок у башни Зенона // ХСб. 1927. Вып. II. С. 101; АНТОНОВА И.А. Административные здания... С. 16.

была рассчитана на свободный осмотр и обход со всех сторон, поэтому вокруг нее было оставлено насколько возможно свободное пространство (Рис. 1). Главный фасад и возвышавшаяся кровля храма разряжали однообразие более низких торцевых фасадов двух примыкавших зданий. Являясь вертикальной доминантой архитектурного комплекса, базилика прикрывала своей высотой приморскую оборонительную стену и создавал иллюзорное впечатление большого пространства⁷.

Все восемь помещений своеобразного парного здания не представляли анфиладного ряда. Имея автономные выходы – двери шириной 0,9 и 1,2 м, открывавшиеся наружу, во внутренний двор и на прилегающие площади (с севера и юга), они, как правило, не сообщались друг с другом, кроме двух крайних помещений на северной стороне. Отсутствие лестниц указывает на одноэтажность северного и южного ряда помещений, но толщина стен (0,8 м), сложенных из довольно крупных подтесанных камней на грязевом «растворе» говорит все же в пользу их значительной высоты. Лишь в одном из помещений оказался очаг, оформленный венчиком пифоса X–XI вв.⁸ Обращает внимание, что археологический материал в слое этого здания вообще малочислен. Следовательно, оно тщательно убиралось, чистилось и не было рассчитано на хозяйственную деятельность, подобную жилым домам.

При строительстве претория оказался засыпан колодец с материалом VIII–IX вв. Наиболее поздними в нем были две монеты Василия I (867–886), которые определяют *terminus post quem* архитектурного комплекса⁹. Судя по находкам в слое разрушения обломков керамики XII в. и монеты Романа IV (1067–1071), сооружение просуществовало до начала XII в., после чего было разобрано, а на его северном крыле возникла небольшая трехкамерная постройка, видимо, нежилого характера¹⁰.

⁷ Антонова И.А. Отчет о раскопках в «цитадели», Юго-восточный район Херсонеса, 1989 г. // Архив НЗХТ. Д. 2978. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 11 (помещение № 8).

⁹ Там же. Л. 45. Уже К.Э. Гриневич обратил внимание на многочисленность монет Василия I и Романа I, обнаруженных при раскопках крайних западных помещений здания, хотя здесь встречались и единичные находки монет Льва V и Феофила. См.: ГРИНЕВИЧ К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года... С. 272, 291–293.

¹⁰ В постройке оказался клад из 40 монет рубежа XI–XII вв., что тоже указывает на время, к которому здание комплекса претория, еще существовавшее в 1056 г., было заброшено (АНТОНОВА И.А. Отчет о раскопках в «цитадели»... 1989 г. Л. 10; СОРОЧАН С.Б., ЗУБАРЬ В.М., МАРЧЕНКО Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 539).

Примечательно, что хронологически эти изменения увязываются с упадком в Византии феодального строя, изжившего себя и трансформировавшегося в новые организационные формы, более соответствующие тогдашней модели ромейского общества. Так, в 60-е гг. XI в. здесь, в Херсоне, если верить данным Лаврентьевской летописи от 6574 (1066) года, был уже не только стратиг, но и катепан Корсуня или другого крымского города, – лицо с иными, нежели у стратига задачами, входившее в структуру фемы¹¹.

По мнению И.А. Антоновой, в строительной надписи Льва Алиата «преторием» называлась вся «цитадель», и «железные ворота» были сооружены для повышения ее обороноспособности, так как якобы были устроены в 21 куртине¹². Эту точку зрения разделяет Н.И. Храпунов, который ссылается на данные о существовании претория в виде укрепленной цитадели в центре италийского Бари¹³. Видимо, нечто подобное предполагал К.К. Косцюшко-Валюжинич, когда писал, что мраморный карниз с надписью мог находиться первоначально в воротах «главной стены», т.е. «цитадели»¹⁴. Между тем, далеко не все византийские города имели обособленные, замкнутые укрепления на акрополе или на окраине. К примеру, преторий с тюрьмой находился в столице империи на форуме Константина и, следовательно, это было здание, а не «цитадель», причем вписывавшееся в ансамбль других построек, таких как Большой Нимфей и дворец синклита¹⁵. К тому же наличие ворот в приморской средневековой оборонительной стене до сих пор остается под вопросом. Очевидные следы их не найдены, несмотря на многолетние усилия археологов¹⁶. Ставить же «железные двери» в проходе шириной

¹¹ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 144, 145; ср.: Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике. III: Надпись времени Исаака Комнина, найденная в Херсонесе // ВВ. 1895. Т. 2. С. 187, прим. 3.

¹² Антонова И.А. Раскопки в цитадели Херсонеса. С. 20.

¹³ Храпунов Н.И. Преторий в средневековом Херсоне // Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження: Одеса, 2002. Т. 3. С. 148-149.

¹⁴ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. С. 89.

¹⁵ JANIN R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950. P. 96.

¹⁶ Предполагать наличие ворот можно по некоторым косвенным признакам не по середине куртины, а около стыка 21 куртины с башней XX, однако они относились к римскому строительному периоду и в средние века не существовали (Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 528).

3,32 м и длиной 4 м с перекрытием в форме свода, который был сделан, видимо, в IX–X вв. по центру куртины 18 на месте более ранней, заложеной нижней части калитки, было нецелесообразно, ибо проход, имевший порог, как и калитка, выводили, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, на «хорошо укатанную шоссированную улицу» (шириной 3,41 м) непосредственно в город, в его портовый жилой квартал и поэтому здесь было бы достаточно обычных деревянных ворот¹⁷. Остаются еще три, меньшие по размерам боевые калитки около башен XVI, XVII и примерно по середине 19 куртины, но все они вели из «цитадели» в перебол.

Следует подчеркнуть, что греческое слово «*πόρται*», использованное в строительной надписи Льва Алиата, обозначало именно двери, а не ворота, которые римляне называли иным образом (*ἡ αὐλοπόρτα* или архаичным *ἡ πύλη*). Поэтому с не меньшим основанием можно предположить, что «*πόρται σιδηραῖ*» были сделаны вместо обветшавших за полтора столетия двухстворчатых деревянных дверей в сводчатом или купольном колоннадном проходе, ведшем с запада во двор комплекса зданий, который и следует понимать как собственно преторий (*praetorium*), просуществовавший в таком виде до рубежа XI–XII вв. Стоявшие на расстоянии 1,5 м две пары колонн из голубоватого проконесского мрамора были зафиксированы во время раскопок 1907 и 1910 гг. (судя по фотографиям, тогда они еще находились *in situ*) (Рис. 2)¹⁸. Перед колоннами имела стена с порогом, снабженным круглыми пятнами для вращения двери и гнездами продолговатой формы для укрепления вращающихся частей¹⁹. Возможно, именно для украшения этого главного прохода, укрепленного «железной дверью», предназначалась художественно исполненная мраморная фигура «стража», оберега –

¹⁷ Таврическая губерния. А) Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 г. СПб., 1908. С. 45; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 144–145 (автор раскопок отметил, что в «самое позднее время» сводчатые широкие ворота были разрушены и заменены «убогой калиткой», занявшей их часть); ср.: Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // ХСб. 1927. Вып. II. С. 35. Рис. 31 (имевшуюся в камнях выемку автор посчитал предположительно «местом закладывания запорного бревна», а прочие углубления – следами от деревянной обшивки створок ворот).

¹⁸ Гриневич К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года... С. 262, 272. Рис. 1, 2, 9; Гайдукевич В.Ф. Мнимая базилика Лаврентия – Леонтия // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма / МИА. 1953. № 34. С. 301. Рис. 2.

¹⁹ Гриневич К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года... С. 272; ср.: С. 280.

припавшего на передние лапы льва с головой повернутой вправо, видимо, из числа оставшегося от античного малоазийского импорта, которая после прекращения существования ансамбля претория вместе с мраморным карнизом в свою очередь была использована как вторичный строительный материал в кладке соседней 18 куртины (Рис. 3)²⁰. Уже К.К. Косцюшко-Валюжинич заметил, что, судя по повороту головы, лев «служил украшением ворот или общественного здания»²¹.

Следует также обратить внимание, что византийский преторий, совпадая он со всей «цитаделью», понимался бы как часть укреплений города-кастроны. Однако в надписи Льва Алиата речь идет особо о возобновлении двери претория, который, таким образом, не воспринимался писавшим как органичная часть городских укреплений. Напротив, он противопоставлялся городу-крепости с его воротами («... возобновлены и прочие [ворота] кастра» – ἐνεκαινήθησαν καὶ αἱ λοιπὰ τὸ κάστρο)²². По мнению Н. Икономидеса, за найм именно этой резиденции стратига полагалось кастроноу Херсону получать из казны два литра пакта («договорных денег»), о которых упоминал Константин Багрянородный²³. Впрочем, на эти деньги (144 номисмы) можно было бы арендовать не

²⁰ Для того, чтобы использовать ставшее ненужным изваяние льва как строительный материал у него были уничтожены все мешавшие выдающиеся детали (лапы ниже колен и хвост). Наибольшая сохранившаяся длина изваяния 1,15 м, наибольшая ширина – 0,3 м, высота у поднятой головы до отбитых лап – 0,67 м. См.: Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1905 г. // Архив НЗХТ. Д. № 14. Л. 14; Таврическая губерния. А) Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 г. С. 45-46. Рис. 43; С. 49; Античная скульптура Херсонеса. Каталог. Киев, 1976. С. 163. № 521. Илл. 205. Здесь же, в Юго-восточном районе, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил в 1900 и 1905 гг. по меньшей мере еще два крупных мраморных фрагмента объемно моделированных львиных лап на постаменте, одна из которых, передняя, судя по размерам, по особенностям положения и почерку работы, могла принадлежать указанной статуе (Античная скульптура Херсонеса. С. 163-164. № 524 а, 525. Илл. 206). Не исключено, что первоначально такого рода изваяния служили надгробными памятниками на загородном некрополе Херсонеса.

²¹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. С. 149-150. Рис. 36.

²² Уже Е.Ч. Скржинская отмечала, что двери, о которых идет речь в надписи 1059 г., не относятся к крепостным сооружениям Херсона. См.: Скржинская Е.Ч. Рец. на: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17 // ВВ. 1953. Т. 6. С. 259-260.

²³ OIKONOMIDÈS N. Le système administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe siècles // МАИЭТ. 2000. Т. VII. P. 322.

только преторий или территорию «цитадели» (чуть меньше 0,5 га, около 4–6 модиев), но гораздо больше, если исходить из цен, принятых в случае таких платежей (от 1 до 10 номисм за модий земли)²⁴.

На то, что здания комплекса претория и базиликальный храм, в котором И.А. Антонова видела гарнизонную, военную церковь, близки по времени сооружения, указывает один уровень цокольного ряда, находки однотипной керамики и зависимость архитектурно-планировочного решения²⁵. Этому наблюдению не противоречат находки при зачистках среди камней кладки базилики фрагментов белоглиняной поливной посуды, черепиц с рельефной меткой в виде орла и двух монет Василия I в западной стене²⁶. Вместе с тем, под полом храма во время исследований, проведенных Р.Х. Лепером в 1910 г., оказались обнаружены «монеты Романа и Константина с Василием», а в южной стороне храма – монета Романа и Константина, то есть X в.²⁷ Необычная для базилик этого времени форма храма, включенного в уже заложенный архитектурный комплекс претория, объясняется тем, что строителям пришлось буквально втиснуть его в свободное пространство, ограниченное с запада «переулочком» шириной 1,3 м от стены двора претория, а с востока полутораметровым проходом около куртины 21²⁸. Несмотря на скромные размеры и такую же как у претория простую иррегулярную кладку из крупных разномерных камней на грязевом «растворе», храм, поставленный на основание высотой около метра, отличала редкая пышность интерьера, со следами которого К.К. Косцюшко-Валюжинич столкнулся во время раскопок в 1905 г. около 18 куртины²⁹. Но во всем великолепии

²⁴ См.: OIKONOMIDÈS N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe siècles). Athènes, 1996. P. 125–126. Размер модия по разным данным колеблется от 839,42 м² до 1279,78 м². См.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С. 470.

²⁵ Антонова И.А. Отчет о раскопках в «цитадели»... 1989 г. Л. 51.

²⁶ Там же. Л. 51.

²⁷ См.: Гриневиц К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2. С. 58.

²⁸ Антонова И.А. Отчет о раскопках в «цитадели»... 1990 г. // Архив НЗХТ. Д. 1981. Л. 50–51 (в отчете И.А. Антонова указала иные, расходящиеся с последующими, размеры базиликального храма – 10,5 x 7,5 м по внутреннему обмеру).

²⁹ Особого внимания заслуживают три мраморные капители, квадратной и прямоугольной формы, и в виде усеченного конуса, украшенные рельефными крестами с расширяющимися концами или с разветвлениями, а также части мозаичного пола в виде круга диаметром 0,05 м из пятнистого зеленого мрамора и восьмигранника из белого мрамора (0,11 x 0,11 м), толщиной

он предстал во время работ весной 1907 г., когда траншея прошла по северной части здания. В тщательно и аккуратно ведшемся «Описании древностей» археолог отметил остатки «превосходной половой мозаики в алтаре» и перечислил по порядку почти три сотни мраморных архитектурных и декоративных деталей и их фрагментов – капителей и баз колонн, карнизов, плит, известняковых тонких и толстых колонн и капителей, а также 2438 кусочков разноцветной стеной мозаики (смальты), в том числе с позолотой³⁰. Очевидно, именно на эту мозаику, отмеченную как «красивая», еще раз наткнулись во время рытья могил для размещившегося здесь карантинного кладбища: ее последние остатки пропали во время севастопольского чумного бунта 1829–1830 гг.³¹

В дневнике Р.Х. Лепера от 21 июня 1910 г. было записано, что «внутри церкви были обнаружены древние могилы», но не отмечено их количество и устройство³². При дальнейших исследованиях только в северо-западном углу храма удалось найти единственную, одновременную ему плитовую могилу длиной 2 м, шириной 0,8 м, заглубленную на 0,5 м ниже каменной забутовки пола. Стены ее были выложены плоскими камнями на глине, а дно – прямоугольными известняковыми плитами со сквозным отверстием 1,5-2 см диаметром³³. Поскольку храм оказался перекрыт земляной насыпью с могилами XII в., он, видимо, просуществовал сравнительно недолго и не пережил преторий. Видеть в этой базилике новый кафоликон, к которому перешло значение епископального комплекса на северо-восточной берегу, нет оснований, поскольку «большая базилика», отождествляемая с храмом св. Апостолов, не утратила своего значения в X в., а только испытала некоторые перестройки и обновление, просуществовав до XIII в. включительно³⁴.

Раскопки И.А. Антоновой в 1993 г. обнаружили в южной, нераскопанной половине базилики 1906 г. ее стилобат из бутового камня, который соединял западную стену здания с концами полукружий централь-

0,02-0,003 м (Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. С. 155).

³⁰ Косцюшко-Валюжинич К.К. Описание древностей, найденных при раскопках Херсонесского городища и некрополя в 1907 году // Архив НЗХТ. Д. 36. Л. 85-89; ГРИНЕВИЧ К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года... С. 271.

³¹ ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 514.

³² См.: ГРИНЕВИЧ К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2. С. 58.

³³ АНТОНОВА И.А. Отчет о раскопках в «цитадели»... 1989 г. Л. 49-50.

³⁴ См.: СОРОЧАН С.Б., ЗУБАРЬ В.М., МАРЧЕНКО Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003. С. 127-132.

ной и южной апсиды³⁵. Но особенно примечательны следы придела с южной стороны храма, которые, на мой взгляд, с полным правом можно интерпретировать как остатки крещальни. Помещение, обнаруженное в 1994 г., имело ширину 2,8-2,9 м, длину 4 м (5,5 м по наружному обмеру)³⁶. Южная стена базилики была смежна с крещальней, вход в которую вел из храма через проем, на ширину которого камни стены были выровнены и чисто тесаны. От плеча южной апсиды, там где начиналось ее полукружие, для придела была выведена на три метра новая стена. В юго-восточном углу баптистерия в стену оказалась встроена каменная купель из известняка (Рис. 4). Она представляла собой заложенный в восточную стену помещения блок (0,75 x 0,5 x 0,25 м), в котором высечено корытообразное углубление. Длинной стороной купель была установлена поперек стены, выступая внутрь помещения на 0,21 м. Толщина краев выемки достигала 0,08 м, глубина – 0,19 м. Ее наружные стороны усиливала обкладка из тонких тесаных плит. Спереди к купели примыкала охватывавшая ее П-образная архитектурная деталь, имевшая сверху парные неглубокие выемки прямоугольной и квадратной формы. Судя по их расположению, они служили для установки перед купелью некой деревянной конструкции с проемом к купели или небольших деревянных двухстворчатых дверей, над которыми могла быть размещена икона. Пол в крещальне был на одном уровне с полом базилики, так что купель возвышалась над ним на четверть метра. Она несомненно годилась только для крещения младенцев и ее легко было наполнить вручную, как полагалось согласно обряду. Первоначально сквозное отверстие размером 0,09 x 0,09 м для стока воды было пробито в восточной боковой стенке купели, позже воронкообразное отверстие (диаметр – 0,08-0,18 м) пробили на ее дне. Освященная вода стекала не сразу в сток, а попадала сначала в резервуар (0,5 x 0,6 м; глубина 0,65 м), выкопанный в земле и обложенный некрупными плоскими камнями. При этом дно резервуара было устроено над старым водостоком, проходившим в этом месте на глубине 0,9 м ниже пола крещальни. По нему вода попадала в магистральное сливное отверстие, находившееся напротив в куртине 21.

Помещение с устройством для стока воды не могло являться диаконом, професисом или проскомидийником базилики, поскольку в постиконоборческий период такого рода пастофории размещались ис-

³⁵ Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1993 г. // Архив НЗХТ. Д. 3184. Л. 13.

³⁶ Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели в 1994 г. Л. 13-14. Рис. 15.

ключительно в боковых апсидах церкви, а постройка крещальни в комплексе с храмом в «цитадели» состоялась в первой половине X в. По моим наблюдениям, это девятый и наиболее поздний из известных к настоящему времени херсонских баптистериев, который указывает на то, что строительство такого рода культовых сооружений в провинциальном византийском городе не прекратилось невзирая на все более широкое внедрение практики устройства в храмах переносных купелей.

Раскопки, проведенные в 2003–2004 гг. на территории «цитадели», позволили установить, что на расстоянии 13,2 м от комплекса построек с двором и базиликальной церковью, в южной половине каре из оборонительных стен, параллельно византийскому преторию уступом располагалось еще одно крупное общественное здание, которое, судя по стратиграфии, было возведено одновременно и тоже могло служить для нужд фемной администрации. Его двухрядные стены с внутренней забутовкой, сложенные на глине, имели ширину 0,5 м, что указывает на одноэтажность сооружения, а длина северной стены (№ 115) достигала 16,7 м. Угол здания был пристроен к остаткам сnivelированной перед этим раннесредневековой бани, которая просуществовала до второй половины IX в., пока не началось строительство нового обширного общественного комплекса³⁷.

В целом, монументальный архитектурный комплекс в «цитадели» Херсона являет собой неожиданно яркий образец византийского провинциального общественного зодчества, в котором слились усилия светских и церковных властей. Он заставляет по иному взглянуть на возможности ромейского строительства в раннее средневековье и отказаться от бытующих в историографии представлений об отсутствии в это время в рядовых ромейских городах новых гражданских, административных зданий.

³⁷ Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В., Сухина С.Н. Отчет о консервационно-археологических работах на территории «цитадели» Херсонеса в 2002 г. // Архив НЗХТ. Д. 3587. Л. 5, 10. Рис. 5, 15, 24; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Крупа Т.Н. О работах в цитадели Херсонеса Таврического в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Киев, 2003. С. 266.

S.B. SOROČAN
CHAR'KOV

ÜBER DEN BAUKOMPLEX DES THEMENPRÄTORIUMS
IM BYZANTINISCHEN CHERSON

Die Materialien der Ausgrabungen des südöstlichen Teils des byzantinischen Cherson, die in verschiedenen Jahren von K. È. Grinevič, I.A. Antonova und S.B. Soročan zusammengestellt wurden, bieten die seltene Möglichkeit, die Überreste eines provinziellen Prätoriums kennen zu lernen, über dessen Existenz uns eine Bauinschrift des Jahres 1059 unterrichtet. Es wurde Ende des 9. – Anfang des 10. Jh.s auf dem Territorium der Zitadelle errichtet, die aus einem Karree von vier erneuerten Festungsmauern (Kurtine 18–21) besteht. Der Baukomplex schloss ein Doppelgebäude mit acht Räumen und einem dazwischen liegenden Hof mit ein, dessen Eingang, versehen mit einem eisernen Tor (πόρται σιδηραῖ), eine überwölbte oder überkuppelte Halle aus vier marmornen Säulen darstellte. Vor dem Tor standen möglicherweise ein oder zwei sekundär verwendete Löwenkulpturen auf einem Postament. Offensichtlich befand sich hier die Residenz des Strategen des Themas, zu der gewöhnlich eine Schatzkammer, Unterbringungen für Soldaten, ein Gericht und ein Gefängnis gehörten. Im Osten schloss sich ein Komplex an, der etwas später errichtet wurde, nicht früher als zu Beginn des 10. Jh.s, und zwar eine basilikaförmige, fast quadratische dreischiffige Kirche mit drei Apsiden. Sie diente wahrscheinlich als Garnisonskirche und war mit prächtigen Marmorblöcken und Mosaiken geschmückt. Sie erhob sich über die übrigen, eingeschossigen Gebäude und stellte die architektonische Dominante des ganzen Komplexes dar. Im Süden schloss sich ein rechteckiges Baptisterium aus der ersten Hälfte des 10. Jh.s mit einem flachen Taufbecken in Form eines rechteckigen Blocks an der Ostwand an. Der Fund beweist, dass die Chersoniten weiterhin die Taufzeremonie sowohl in Kirchen wie auch an besonderen Taufstätten vornahmen. Daneben befand sich südlich hinter einem Platz auf niedrigerer Terrasse als das Doppelgebäude ein großes eingeschossiges, abgesondertes Bauwerk, das wahrscheinlich auch zum Ensemble des Prätoriums gehörte, dessen Funktion jedoch im Rahmen weiterer Ausgrabungen noch bestimmt werden muss. Der gesamte Baukomplex bestand bis zum Ende des 11. – Anfang des 12. Jh.s. Danach wurde er offenbar wegen Funktionslosigkeit vernachlässigt und abgetragen.

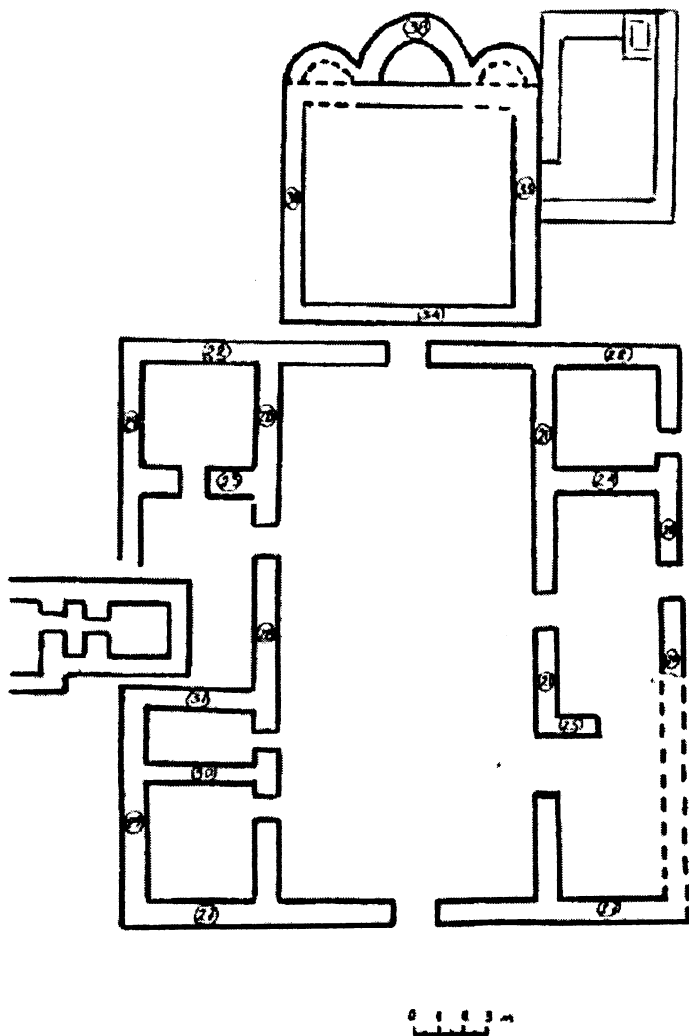

Рис. 1. План-схема византийского претория Херсона
(по И.А. Антоновой)

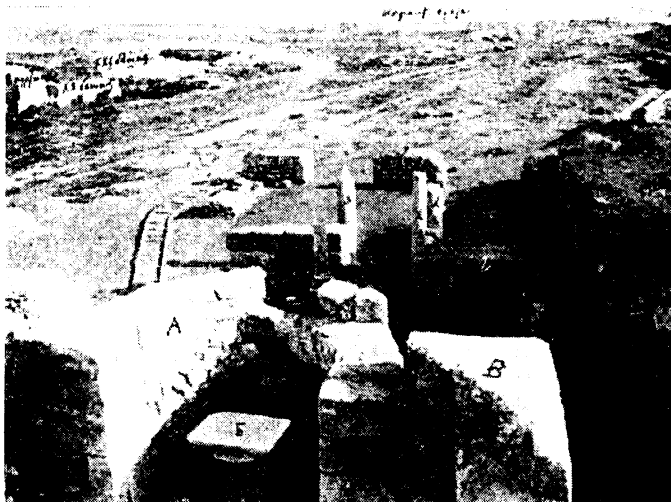

Рис. 2. Колонны на входе во двор претория. На переднем плане – остатки церкви у куртины 19. Раскопки 1910 г.

Рис. 3. Мраморная скульптура льва из «цитадели». Раскопки 1905 г.

Рис. 4. Баптистерий базилики в «цитадели», первая половина X в.
Фото 2004 г.